

7 апреля Герою Социалистического Труда,

народной артистке Советского Союза,

лауреату Государственных премий СССР Е. Н. ГОГОЛЕВОЙ исполняется 80 лет.

Елена ГОГОЛЕВА:

«СЦЕНА ПРИПОДНИМАЕТ СЛОВО»

За кулисами Малого театра, возле сцены, находится артистическое фойе, названное именем Ермоловой. Небольшая табличка сообщает, что здесь была гримировальная комната великой актрисы. Рядом — дверь в гримборную Елены Николаевны Гоголевой. Хозяйка встречает нас в уютном кресле у старинного стола. Разговор начинается с воспоминаний о временах, когда она юной воспитанницей Московского филармонического училища впервые появилась в этих стенах...

— Я счастлива, что в Малом театре встретила выдающихся мастеров, которые составляли его огромную славу. Мне довелось познакомиться с М. Н. Ермоловой и Е. К. Лешковской, О. С. Садовской и А. И. Южиным, работать с ними в одной труппе, быть партнершей по сцене. С Марией Николаевной играла в постановке «Холопов» П. Гнедича. Меня поражало ее трепетное, самозабвенное отношение к искусству. Во время действия, за кулисами, обращаться к ней было бесполезно — Ермолова ничего не видела и не слышала. Все ее мысли были на сцене. Другая удивительная ее черта — необыкновенная скромность. Помню, как она осматривала выставку в честь 50-летия ее службы в театре. Каждый экспонат был символом громкого успеха, всенародной любви к актрисе. Но она держалась так, будто все это не имело к ней отношения. Былов не волновало ее, не нарушало мудрого спокойствия. Гораздо больше Ермолову интересовало то, что она делает теперь и сможет еще сделать для Малого театра...

Занимая в труппе самое почетное положение, она держалась со всеми приветливо и просто. Не старалась поучать других, однако часто помогала советами. Мария Николаевна приглаждалась к моим первым шагам на сцене, и в ее ласковых глазах я угадывала внимание не только к себе, но и ко всему молодому, что появлялось в театре, должно было стать его будущим.

На груди Елены Николаевны — овальная брошь. В оправе из темно-красных гранатов — лицо Ермоловой...

— Это память о моей матери, — говорит Гоголева. — После ее смерти брошь перешла ко мне. Я сама вставила сюда портрет Марии Николаевны и с тех пор не расстаюсь с этим дорогим мне образом. Мне кажется, он помогает хранить то, к чему обязывает людей театра пример Ермоловой...

Застала я и забываемую Ольгу Осиповну Садовскую, редактора Марии Николаевны и с тех пор не расстаюсь с этим дорогим мне образом. Мне кажется, он помогает хранить то, к чему обязывает людей театра пример Ермоловой...

Во главе Малого театра стоял тогда Александр Иванович Южин. Он пользовался огромным уважением и авторитетом. Творческая дисциплина поддерживалась им неукоснительно.

Южин внимательно прислушивался к желаниям актеров. Както я, будучи неудовлетворенной своей работой в образе Аксуси из «Леса», пришла к нему отказываться от роли. Кстати, разговор происходил в этой самой комнате, где тогда гримировался Александр Иванович. Он выслушал меня и согласился, заметив только: «Ну что же, наверное, эту роль можно играть и по-другому». Но когда через несколько лет я захотела уйти из «Горя от ума», где играла Софью, как мне казалось, вразрез со всеми традициями, Южин постарался убедить меня, что такая трактовка убедительна и интересна. Однако, видя мое упорство, настаивать не стал. Деликатность и такт в сочетании

с большой требовательностью были характерны для отношения к молодым артистам Малого театра.

Возглавляя работу с молодежью в коллентиве, Елена Николаевна хранит верность заветам своих учителей. Гоголеву нередко называют наследницей великих традиций Дома Щепкина. Каков содержание вкладывает в это понятие сама актриса?

— Этот вопрос достаточно объемный и непросто. Здесь можно говорить о гражданственности искусства, близости его к жизни народа, актуальным проблемам времени. Но мне хотелось бы коснуться лишь одного аспекта, связанного с актерской школой Малого театра, где во все времена глубокий реализм переплетался с пылкой романтикой. Думаю, что наше исполнительское искусство в его лучших образцах всегда отличалось яркой и правдивой эмоциональностью, четкостью мысли и совершенством сценической речи. Культура театрального слова в моем представлении складывается из двух элементов — художественного качества литературного текста, свободного от вульгаризмов, вычурных стилистических оборотов и других приемов внешней характеристики, а также мастерства его произнесения. Речь на сцене не должна быть слишком обывательной, не имеет права превращаться в заземленное бормотание «под себя». Сцена приподнимает слово, делает крупнее и азосемей. Но, избегая «домашней» скороговорки, актер может впасть в другую крайность — стать напыщенным декламатором. Тонка, почти неуловима эта грань, и, чтобы достичь простоты и вместе с тем театральности, прийти к музыкальной чистоте речи, приходится затрачивать годы труда.

Гоголева сыграла на сцене около трехсот ролей в пьесах самых различных жанров. Не только одна на другую ее героини, у каждой свой облик, своя судьба...

— Теперь-то легко об этом говорить, — смеется Елена Николаевна. — А было время, когда меня крепко «привязали» к определенному амплуа, и приходилось играть одну за другой роли роковых, демонических женщин, красивых злодеек, опасных разлучниц... Сначала эти эффектные, броские образы доставляли удовольствие, но потом я с ужасом ощутила, что совершенно заштамповалась в них и попросту гибну как актриса. Присила, умоляла — дайте сыграть положительную героиню, современницу. Но в ответ видела только недоверчивые улыбки. Дело дошло до того, что, когда выпало сыграть Надежду Монахову в «Варварах», я испугалась и не знала, как к ней подступиться. Все непривычно, незнакомо. Много позже, с помощью режиссера И. Я. Судакова, после беседы с женой Горького, актрисой М. Ф. Андреевой, поняла и полюбила свою Надежду.

Эта работа стала шедевром исполнительского мастерства, классикой советского театра.

— А через несколько лет пришла наконец ко мне прекрасная роль советской женщины из пьесы «За тех, кто в море!». — про-

должает Гоголева. — Мне близка была героиня — актриса Горелова. Так же, как она, я много раз бывала на фронте, выступала перед бойцами и командирами, знала их нелегкую жизнь. После премьеры автор пьесы Б. Лавренев сказал: «Вы сыграли больше, чем я написал!» Мне кажется, он увидел мое желание не просто изобразить частный эпизод биографии Гореловой, но через этот образ показать достоинство нашего актерского труда, его значение в военные годы

Работа актера необходима воинам и в мирные дни. Лучшее свидетельство тому — деятельность Гоголевой в Центральной комиссии по культурному шефству над Вооруженными Силами СССР, где она состоит более тридцати лет бессменным председателем. Это не единственная общественная нагрузка актрисы, члена художественного руководства и партийного бюро Малого театра. Недавно Гоголеву избрали членом бригады коммунистического труда на подшефном заводе «Компрессор». И почетное рабочее звание она несет с честью...

— Советский репертуар, роли секретаря райкома партии Полозовой в «Московском характере», военврача Лавровой из «Великой силы», коммунистки Ганны Лихты в «Заговоре обреченных», — говорит Елена Николаевна, — потребовали от меня основательной идейной подготовки. Нужно было подумать о расширении политического кругозора, о самообразовании. Поступила в университет марксизма-ленинизма, много читала. В 1948 году я стала членом партии

В комнате Елены Николаевны висит ее большой живописный портрет сороковых годов. Все тот же чеканный профиль и ясный блеск глаз, только черноту волос не тронула еще седина. Рука опирается на книжку в синем переплете...

— Уж не помню, что это была за книга, — улыбнулась Гоголева. — Наверное, Лермонтов. И сейчас читаю и перечитываю его без конца. Постоянно возвращаюсь к классике, но люблю и многих современных писателей. Прочла как-то рассказ Ю Нагибина «Срочно требуются седые человеческие волосы», поразила и стала добывать все, что он написал. Не пропускаю новых публикаций и другого интересного автора — В. Распу-

тина. Огромное впечатление оставили его «Последний срок» и «Прощание с Матерой». Среди военной прозы выделяю для себя «Горячий снег» Ю. Бондарева и «В списках не значился» Б. Васильева.

В день своего юбилея Гоголева выйдет на сцену в образе 108-летней француженки Мамуре из одноименной пьесы Н. Сармана. Ее новая работа пользуется исключительным успехом. Эта роль стала во многом неожиданной для почитателей актрисы.

— С подобным драматургическим материалом я не сталкивалась за все 60 с лишним лет работы. Играла драматические, трагедийные роли, а тут пришлось всерьез осваивать жанр комедии, искать легкую, прозрачную манеру игры. Все это как будто противоречит моей актерской природе, и задача поэтому была весьма трудна, хотя и увлекательна. С характерными ролями я сталкивалась и раньше — например, в «Путешественника без багажа» Ж. Ануя, где играла герцогиню Дюпон-Дюфор, как бы пародируя своих же прежних элегантных гранд-дам, или когда изображала взбалмошную миссис Кроули из «Ярмарки тщеславия» в несколько экстравагантном ключе. И все-таки мне казалось, что я не в состоянии одолеть Мамуре. Сколько слез было пролито над этой комедийной ролью! Режиссер Б. А. Львов-Анохин, видя мои затруднения, как-то предложил: «Забудьте, что вы — Гоголева, известная актриса, серьезный человек, который носит строгие костюмы и заседает в президиуме важных собраний. Вспомните ваши юные годы, озорные проделки в классе, где вы были отчаянной девчонкой — не так ли?» Совет оказался полезным, но все же иногда мне требовалась целая репетиция, чтобы преодолеть робость, заставить себя сделать один-единственный дерзкий жест, характеризующий героиню. Затем, готовя роль старой француженки, видевшей в молодости Наполеона III, я должна была как следует разобраться в том историческом времени. Перевернула массу книг, исчеркала роль хронологическими пометками на полях. Очень трудно было избежать в исполнении сентиментального тона, особенно в грустном финале пьесы. Мне нужны были светлые краски и ощущение радости — несмотря ни на что. Кажется, это удалось, и я глубоко благодарна Борису Александровичу Львову-Анохину за его неиссякаемую веру в мои силы.

В роли Мамуре Гоголева демонстрирует виртуозное искусство, поражает своей подлинной легкостью, изяществом и женственностью грацией. В чем секрет неуязвимой свежести ее таланта?

— В течение всей жизни, — говорит актриса, — я настойчиво заботилась о поддержании профессиональной формы. А она требует ежедневного тренажа. Если в театре случались периоды простоя, я обращалась к концертной работе. Как бы я смогла произносить теперь обширные монологи Мамуре, не имея тренированного голоса, позволяющего декламировать стихи на протяжении часа напролет, если бы для разработки дыхания не читала вслух греческие гекзаметры? Свободу сценического движения помогало мне сохранять увлечение бальным танцем. И сейчас в моей интенсивной утренней гимнастике имеются упражнения у балетного станка. Физическая бодрость, мышечная ловкость немислимы без систематического занятия физкультурой. Даже в санатории, где мне пришлось побывать этой зимой, я совершала длительные пешие прогулки, нарочно выбирала крутые маршруты...

Выбор трудных дорог — в характере Елены Николаевны. И сегодня, поздравляя ее с днем рождения, хочется пожелать замечательной актрисе еще многих лет радостного творчества.

Вел беседу
Андрей ВОЛЧАНСКИЙ